

ЙОССИ ВЕРДИ

ПОСЛЕДНЯЯ
ЖЕРТВА
ВОИНЫ

Йосси Верди

**Последняя жертва
войны (сборник)**

«Алгоритм»

2013

Верди Й.

Последняя жертва войны (сборник) / Й. Верди — «Алгоритм»,
2013

ISBN 978-5-4438-0314-2

Роман «Последняя жертва войны» – о годах Великой Отечественной войны и женской доле тех тружениц, что остались в деревне. Анна, главная героиня романа, сельская учительница, провожает своих сыновей на фронт. Но еще ранее она пережила революцию 1917 года и лишения, пришедшие вместе с новой властью. Казалось, ничего страшнее уже быть не может, но... Оккупация нацистами приносит неведомые до того чувства страха и унижения. А тут еще бесконечные пересуды односельчан и сплетни об отношениях невестки Анны и местного фельдшера не дают покоя даже в собственном доме. Как пережить потерю близких, испытание неизвестностью и остаться человеком с чистой душой и добрым взглядом?! Это – роман о любви и большом жизненном пути настоящего человека. В книгу молодого драматурга и сценариста Йосси Верди вошли роман и рассказы.

ISBN 978-5-4438-0314-2

© Верди Й., 2013
© Алгоритм, 2013

Содержание

Последняя жертва войны	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Йосси Верди

Последняя жертва войны (сборник)

Последняя жертва войны

Приношу сердечную благодарность сценаристу, переводчику и другу Нурлану Гусейнову. Без него не было бы этой книги на русском языке. Спасибо ему за то, что, не щадя своих сил и не жалея времени, работал над рукописью.

*Я только раз видала рукописный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Глава 1

Анна

Весна 1975 года выдалась особенно теплой и солнечной. Зимняя стужа с наступлением апреля безропотно передала скипетр весенней капели и обреченно удалилась в свою ледяную пещеру ждать следующего года. Мир, чуть шалея от такого подарка, тут же ответил буйной зеленью деревьев и суетливым щебетом птиц.

Шумный железнодорожный вокзал был усыпан разноликой массой людей, когда протяжный свист поезда известил о прибытии пассажирского состава из Минска. Послышался скрежет тормозных колодок, и вереница вагонов плавно остановилась возле грязного перрона. Встречающие тут же облепили выходы, высматривая в окнах знакомые лица. Люди, кто с ведрами и баулами, а кто и с цивильными чемоданами в руках, спускались из вагонов и тут же исчезали в радостно бурлящей толпе.

Из вагона спустилась пожилая женщина лет восьмидесяти. Крепко, насколько позволяли силы, прижимая к себе мешочек с жареными семечками и щурясь весеннему солнцу, старуха, стуча клюкой, засемила в сторону парка. Отдыхая через каждые десять-пятнадцать шагов, она пробиралась сквозь толпу, поминутно извиняясь за свою неловкость и медлительность. Большой пассажирский состав, издав истошный гудок, дернулся и попятился назад.

Худая сторбленная фигура, закутанная в выцветшую шаль, то тут, то там появляясь и исчезая в бушующем море людей, продвигалась к спасительному привокзальному парку.

Освободившись от цепких объятий толпы, старушка перекрестилась и пошла по крутой лестнице, ведущей к фонтану. Там, умывшись прохладной водой, она невольно залюбовалась рукотворным источником. Это был бронзовый постамент в виде сидящего среди разбросанных музыкальных инструментов и прикрывающего руками лицо дирижера.

Вода, брызжа тонкой струей из забитой лейки, стекала по его рукам, и казалось, что музыкант плачет неиссякаемым потоком слез. Задержав на мгновение взгляд на печальном дирижере, старушка поковыляла к своему месту под раскидистой липой, где она вот уже десять лет торговала семечками.

Подойдя к заветной скамейке, она привычно раскрыла свой мешочек и, встряхнув его пару раз, положила перед собой на землю. Крупные тугие семена сразу же заиграли на солнце матовым блеском. Старуха, улыбаясь тонкими губами, смотрела на это мерцание, которое уносило ее далеко в прошлое, в последнее счастливое воспоминание – лето 1941 года.

В тот день Анна, сидя в маленькой комнатухе, рассматривала старые фотографии. Падающий из распахнутых настежь окон свет яркого июньского солнца озарял ее морщинистые руки, любовно сжимающие дореволюционную фотокарточку, запечатлевшую ее еще юной девушкой. На фоне Смольного, где она училась в институте благородных девиц, фотограф поймал веселую стайку выпускниц. Пожелтевшее от времени изображение с тонкой надписью в уголке «Ст. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФОТОГРАФИЯ. Давингоф. 1917 год» уносило Анну в водоворот прошлого. Привитые еще со студенческих лет осанка и благородные манеры даже сейчас, на восьмом десятке, выдавали в ней аристократку голубых кровей.

Сидящая в пустой комнате Анна с умилением вспоминала годы своей учебы. Калейдоскопом мелькали в памяти образы прошлого. Вот стайка весело щебечущих сокурсниц в платяцах кофейного цвета с белыми коленкоровыми передниками сидит в кабинете, ожидая угрюмую и строгую классную даму. Приятные воспоминания прерываются неожиданно пронзающей все ее существо мыслью о ненавистном корсете из китового уса, который нещадно давил на ребра, не давая свободно вздохнуть. В вихре вальса кружит ее первая робкая любовь к молодому унтер-офицеру, которого видела лишь дважды в жизни на званых балах.

На следующей фотографии медосмотр в институте – забота о здоровье будущих старух. Дальше на снимке была запечатлена встреча с императором Николаем на выпускном экзамене Смольного института. Анна помнила, как император сидел с отрешенным видом и, погруженный в тягостные раздумья, не обращал внимания на глубокие реверансы бледных от страха институток. Тогда шел 1916 год, но память упрямо выдергивала из подсознания лишь приятные моменты, ретушируя все плохое, что случилось потом. Подумать только: тогда старый учитель невольно мог вогнать девушек в краску, просто читая «Онегина». Строки Пушкина:

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет, —

тут же сопровождалась тонкоголосым аханьем и хихиканьем.

Анна отложила фотографии и достала из лежащей рядом шкатулки свою особую гордость – фрейлинский знак. Это был темно-зеленый атласный бант – заботливо сохраненная частичка бывшего величия. Шифр по традиции доставался лучшим выпускницам Смольного института и в дальнейшем давал надежду стать одной из фрейлин свиты самой императрицы.

Когда-то на ленте красовался вензель императрицы из золота и бриллиантов, но молодой власти большевиков нужны были деньги. Тогда во время обыска угрюмый командир большевистского отряда уступил мольбам заплаканной девушки и, уходя, бросил оторванный бант на пол.

После революции и расстрела родителей Анна, помыкавшись по городам и весям, оказалась в глубинке, в одном из многочисленных колхозов, которые, как грибы после дождя, вырастали на руинах поместий.

На симпатичную девушку заглядывались все парни села, но свое неискушенное сердце Анна отдала молодому учителю из местной школы, где она преподавала в начальных классах. С ним в счастливом браке нажила двух сыновей-близнецов: Якова и Михаила. Десять лет назад Анна овдовела, и ей пришлось в одиночку растить и воспитывать сыновей.

Картины прошлого плавно сменяли друг друга, и Анна невольно улыбалась уголками бледных губ. Одинокая слеза, вдруг скатившись по ухоженному, но увядающему лицу, упала на фотографию.

Анна вздрогнула и, осушив платком глаза, глубоко вздохнула. Сегодня в ее жизни есть место только слезам радости. Ведь этим вечером у нее большой праздник: сыновья сыграют двойную свадьбу.

Анна сложила свои сокровища в шкатулку и убрала подальше. Разгладив заботливой рукой складочки платья, купленного сыновьями на сорокалетие, Анна глянула на улицу. Там в ярком свете середины лета жизнь текла своим чередом.

Глава 2

Война

Раздольем сельской местности упивался каждый ее житель. Бывало, встанет кто поутру, да и затянет песню, шагая в хлев кормить скотину. Дед с вилами копается в деннике, заодно гоня повадившихся мышей. На отцветших деревьях яркими лампочками висят поспевающие фрукты.

Краснобокие вишни издали привлекают спелыми боками к своим низко наклонившимся ветвям вездесущую детвору с соседних участков. Ребячьи караулит час, когда хозяева улягутся отдохнуть, чтобы перелезть через калитку и наесться вдоволь. Бабы с бидонами молока, как утки, переваливающиеся с боку на бок, несут свой удой в колхозный амбар. Мужики, беззлобно матерясь, копаются в утробе казенной техники. Упоительная тишина баюкает и нежит в своих объятиях, обещая счастливую безмятежную жизнь. На Брянщине мир кажется светлым и спокойным, словно оторванным от невзгод и тревог, всколыхнувших всю Европу.

Загулявшая свадьба была в полном разгаре. Отовсюду доносились радостные голоса и беззаботный смех. Из репродуктора, висящего на столбе возле дома Анны, доносились первые аккорды песни «Сердце» Утесова. Длинный праздничный стол для гостей был накрыт во дворе перед домом. Чего тут только не было! Тут и холодец из бараньих ножек, и вареное мясо, и жареные овощи. Отварная картошка, посыпанная зеленью, аппетитно дымилась рядом с нарезанным домашним салом, а всевозможные закатки слезились прозрачным рассолом.

В круговороте праздника тон задавал неумолкающий звук аккордеона. В умелых руках музыканта-самоучки, залихватски усевшегося на табуретке, инструмент одну за другой рождал развеселые мелодии, от которых невозможно было усидеть на месте. Поддавшись всеобщему веселью, даже всегда степенный дед Михалыч, отбросив привычную важность, кряхтя, выписывал кренделя.

Высокие и стройные женихи по традиции были одеты в черные однобортные костюмы, на ногах красовались новые начищенные до блеска туфли. Гены сделали свое дело, так что в каждом движении близнецов чувствовались грация и такт. И лишь деревенский пейзаж нарушал впечатление, что они вальсируют где-то на приеме у британского посла.

Их невесты, Маргарита и Ольга, были деревенскими. Обе в домотканых белых платьях кружились под музыку с веселым и звонким смехом.

В клубе на танцах братья-близнецы с первого взгляда влюбились в двух смешливых подруг из соседнего села и уже не расставались, чтоб через полгода сыграть двойную свадьбу. Позже выяснилось, что Маргарита – невеста Якова – уже имеет пятилетнюю дочь от заезжего студента, но в бушующем урагане чувств это не казалось препятствием для свадьбы.

Кружась в танце, Михаил не мог отвести глаз от Ольги, словно нашел в ней нечто самое бесценное и родное. Крепко обнимая ее за талию, он с улыбкой шептал ей на ухо:

– Мы никогда не расстанемся.

– Да, милый. Нас никто не сможет разлучить, – вторила ему Ольга.

Из-за стола встал председатель колхоза. Он неловко отер с лица кусочек прилипшей квашеной капусты, высоко поднял граненый стакан, доверху наполненный самогоном.

– Дорогая Анна Владимировна, я как председатель колхоза хочу поздравить от имени всего коллектива вас и ваших сыновей с этим счастливым днем.

Голос председателя громким рыком разносился в воздухе, временами заглушая аккордеон.

– Чтоб их дом был полной чашей, чтоб в семье был мир да лад. А, как известно, где лад, там и клад. Посмотрите на этих молодых. Они красивы и счастливы. У них вся жизнь впереди! Внимая собственному совету, он глянул на молодоженов.

– Ишь, как выплясывают. Голубки! Ну, в общем, поздравляю, – добавил председатель и, расплывшись в хмельной улыбке, обернулся к гостям.

Следующим слово взял бригадир. Это был щуплого вида мужичок с лысиной на маленькой головке. Перепоясанный от ширинки до груди красным кушаком, бригадир был похож на большевиков-подпольщиков, прячущих на себе красное знамя. Маленький и тщедушный, он разительно отличался от своей братии бригадиров – верзил.

Вытирая вспотевшие стекла очков, бригадир жестом приветствовал всех сидящих.

– Товарищи, сегодня счастливый день для всех нас. Ведь сегодня...

Его слова оборвал громкий голос Левитана, набатом рявкнувший из репродуктора:

– Сегодня, 22 июня 1941 года, в 4 часа утра, без объявления войны германские войска напали на нашу страну. Атаковали пограничные части Советского Союза. Были подвержены бомбежке города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас, а также другие города приграничных областей.

Мощный бас умолк. В тягучей тишине, повисшей над оцепеневшей свадьбой, со стороны пруда донеслось мычание коров.

Тревожный шепот обескураженных людей начал набирать силу, превращаясь в общий неразборчивый гул, в котором смешались женский плач, ругательства и звон битой посуды. Вскоре в общей какофонии звуков стало различимо лишь одно слово:

– Война...

Оно, словно инфекция, кочевало из уст в уста и клеймило людей, мгновенно стирая с их лиц радостные улыбки.

– Как война?!

– Ура, война, война! – маленькая Рая, весело вскрикивая новое, а потому веселое словечко, продолжала кружиться в замершей музыке. Ее никто не останавливал, но по каменному лицу матери и заплаканным глазам соседок девочка что-то поняла и внезапно, затихнув, рухнула в траву.

Кто-то неловко опрокинул бутылку на стол. Красное, как кровь, вино растеклось по белой скатерти, рисуя причудливый и страшный узор на заставленном яствами столе.

Веселье пропало, и потрясенные люди рассеянно и обреченно разбредались по хатам. Страх и отчаяние разлились в тяжелом воздухе.

Глава 3

Проводы

Железнодорожный вокзал расплывался в глазах плачущих невест и родных. Перрон походил на свежесосеянное поле, ветер стал осязаемым, переполненный резкими голосами, обрывистыми фразами. Диалоги тяжело срывались вниз к рельсам, к темной гальке и гниющим шпалам. Запах мазута окутывал атмосферой дороги, влажного белья и закрытых окон.

Люди толпились рядом с поездом, бросая друг на друга острые, как лезвие ножа, взгляды. Но невозможно было определить, куда смотрел каждый из них.

Смятение и ужас читались во взглядах провожающих. Страх и надежда были в натянутых улыбках отъезжавших. Медленно и неотвратно накрывала леденящая ужасом волна неизбежности.

– Мы и наши героические солдаты должны верить в победу и показать мужество в бою! – воодушевленно наставлял военком.

– Мы должны дать достойный отпор Гитлеру и его прихвостням. Мы стоим за весь советский народ.

Недружные, точно растерянные, аплодисменты послужили сигналом старому дирижеру, и военный оркестр грянул «Прощание славянки». Бодрая мелодия заполонила все пространство, вытеснив причитания матерей.

– Сынок, будь осторожен! – просипел дед Володя и посмотрел на единственное детище влажными серыми глазами.

– Не волнуйся, отец! Вот увидишь, скоро вернусь в орденах и медалях, – бодро, но неуверенно успокаивал сын, отводя глаза.

И сердце стало биться еще сильнее, когда воображение нарисовало Ивану картины торжественного возвращения домой.

Он представил, как маленькая дочка, указывая на папу, будет говорить:

– А у моего папы самая большая медаль! Смотрите, вон сколько их у него! Блестящие, совсем новенькие! Смотрите!

Но реальность была другой, и в ней дочь, заливаясь слезами, умоляла отца не уезжать:

– Я тебя люблю, папка. Ну не уезжай. Я буду вести себя хорошо, клянусь! – всхлипывая и глотая окончания слов, голосила Нина, обнимая отца изо всех сил, как будто это могло и в самом деле удержать его.

– Я лук посадил во дворе. Как раз к твоему возвращению вырастет, – снова просипел дед, не зная, что еще сказать.

Ком сдавил горло старика, навалившись тяжестью неминуемых слез.

– Только бы лук уродился, – добавил он и быстрым движением смахнул предательскую слезу.

Рядом с заполненным вагоном в испуге голосила красивая женщина. Высоко задрала голову, она говорила со своим мужем, по пояс высунувшимся из открытого окна.

– Да как же я теперь без тебя-то? А дети? А сарай кто ставить будет? – отчаянно умоляла Елена, до последнего надеясь, что муж не уедет. – Сашка, ну не дури! Спускайся!

– Глупенькая, что ж ты так волнуешься? Я обязательно вернусь, – грустно улыбаясь, повторял Александр.

Елена ласково прижималась щекой к руке мужа. Вдохнув родной запах, она закрыла глаза и уже не выпускала любимого из своих объятий. Так она и застыла, наслаждаясь моментом, самым дорогим в ее жизни. Потеряв счет времени и не замечая окружающих, Елена словно растворилась в пространстве, заполненном обещаниями, прощальными поцелуями, призрачными надеждами и слепой верой. В ее душе поселился страх перед одиночеством и неизвест-

ностью. Александр старался насладиться ароматом жены и увезти с собой эту память. Ее атласные волосы, туго подвязанные голубой лентой, пахли парным молоком и сиренью.

– Слышь, сынок. Не выставляйся там. Пожалей мать с отцом. Не для генералов тебя растили, – тем временем учил Степан сына. – И еще, если ты не будешь в немцев стрелять, то они тоже не выстрелят в тебя. Немцы – очень культурный народ. Я в газете читал, – стараясь не встречаться взглядом с сыном, говорил Степан, набивая махорку.

Неподалеку Лида прощалась со своим мужем.

– Где застрял этот негодный мальчишка? Поезд скоро отправляется... – ворчал взволнованный Василий в солдатской форме, вглядываясь в толпу, где искал глазами сына Мишку.

– Не волнуйся, сейчас придет, – трогательно и заботливо шептала ему на ухо Лида.

В этот момент маленький Миша, тяжело дыша, просочившись сквозь массу стоящих людей, подбежал к отцу.

– Пап, на, держи! – С этими словами мальчик протянул отцу колоду стертых карт. – Ты же всех в деревне обыгрываешь. Может, и Гитлера сможешь? А если он тебе продует, то остановит войну и ты вернешься домой.

Эти наивные слова мальчишки заглушил протяжный гудок паровоза.

Поодаль от толпы стояла семья. Анна грустно роняла слезы в платок, с тревогой вглядываясь в лица сыновей. Кто мог знать, может быть, она в последний раз видит эти родные сердцу черты? С нежностью любящей матери Анна поправила воротник гимнастерки Якова и, смочив палец слюной, как в детстве, вытерла щеку Михаила. Судьба опять наносила ей удар под дых, отнимая самые дорогие свои подарки. Удар неожиданный и оттого еще более подлый. И больше всего переживала Анна свою беспомощность, неспособность повлиять на ситуацию.

Женщина, которая больше двадцати лет одна растила, любила и лелеяла своих детей, ставших для нее единственным смыслом жизни, теперь провожала их на войну, возможно, навсегда прощаясь с ними.

В бессильном отчаянии она бросилась на шею сыновьям и, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась так, как не плакала до сих пор никогда.

– Куда же вы?! Только вчера свадьба была! Может, повремените с отъездом? – умоляюще шептала Анна в надежде, что вот-вот очнется от страшного сна.

Но чуда не происходило. Минуты одна за другой неумолимо утекали в прошлое. Время исчезало, не жалея и не спрашивая разрешения.

– Мама, ты же сама понимаешь, что это наш долг. Вот увидишь, вернемся с победой и приведем тебе Гитлера на коленях. – Михаил старался развеселить отчаявшуюся мать.

– Сынок, ну зачем он мне нужен? Сами бы вернулись целыми и невредимыми, – шмыгая носом, утихла мать. – Лишь бы с вами ничего не случилось.

– Не волнуйся, мам. Что с нами будет? – весело подмигнул Мишка.

– Не бойсь, мать! – весело хохотнул Яков.

Анна всхлипнула и отстранилась от сыновей. Вдруг, спохватившись, полезла она в свой холщовый мешок, достала оттуда два куска мыла и протянула их сыновьям. В этот момент к ним подошел Сергей, которого незамедлительно тоже одарили добрым брусом.

– Зачем это нам, тетя Ань? – недоумевающе спросил Сергей.

– Бери-бери. Помоемся там. Свое роднее, чем казенное, – стала, не торопясь, разъяснять Анна.

Затем, повернувшись к Ольге, она попросила:

– Помогите раздать и это.

Анна протянула мешок, полный даренного соседями на свадьбу хозяйственного мыла.

– Может, стоит это продать в деревне? – шепотом предложила Ольга.

– Кому продать? – Анна удивленно окинула взглядом молодую невестку. – Раздавай! Так надо!

Еще какое-то время люди прощались, обещая друг другу вернуться живыми, обязательно дождаться и любить вечно, но пронзительный свист паровоза оборвал узы объятий. Каждый пытался остановить это мгновение, к которому постоянно будет возвращать их спасительная память. Для всех собравшихся на вокзале этот миг станет хлебом в голодный день, надеждой на то, что завтра все вернется на круги своя. Последний гудок паровоза, прощальные слова, улыбка и любимый голос... А для кого-то последние в жизни...

Нестройно оборвав на середине музыку, музыканты военного оркестра положили инструменты на землю и, прощаясь с дирижером, поднялись в вагоны. Он проводил взглядом свой коллектив и, когда в вагоне скрылся последний музыкант, без сил опустился на колени среди разбросанных на земле инструментов. Закрыв лицо руками, не в силах сдержать слез, он беззвучно заплакал.

В пустой тишине над вокзалом с новой силой раздались рев и крики. Тяжелые, будто каменные глыбы, посыпались на перрон слова:

«Если родится мальчик, назови его моим именем», «Ничего не бойся», «За мать не переживай»...

– Я тебя люблю! – что было сил кричала вслед уходящему вагону Маргарита.

Весь вокзал покрылся частоколом протянутых на прощание женских рук. Состав медленно, словно подводная лодка, проплыл сквозь океан колышущихся платков и утонул вдали в поле ярких подсолнухов.

Опустевшая деревня теперь больше напоминала женский монастырь. Из мужиков в деревне оставались только старики, чья работа в тылу была полезней их присутствия на передовой, и дети. Среди них оказался и колхозный фельдшер Виктор, который все это время стоял в сторонке и не сводил глаз с Маргариты. Наконец, дождавшись, когда состав скрылся из виду, он, протискиваясь сквозь толпу женщин, стал продвигаться к Маргарите.

– Кого провожаем? – услышала она вдруг чей-то сипловатый голос прямо над ухом.

Она повернулась и встретилась взглядом с худошавым парнем.

– Мужа, – рассеянно ответила Маргарита и оглянулась в поисках Анны и Ольги.

Их нигде не было.

– Меня зовут Виктор. Я здешний фельдшер, – представился парень, и на его лице заиграла тень ухмылки.

– Очень приятно, я Маргарита.

– Давайте я вас провожу. Нам, наверное, по пути.

В этот момент к ним подбежала маленькая Рая, и они, спустившись по перрону, побрели в сторону деревни.

Глава 4

Тыл

Масляный запах жареных семечек разносился по всему дому, наполняя его теплом и сельским уютom. Анна, стоя у плиты, монотонно помешивала подпрыгивающие на раскаленной чугунной сковородке зернышки. Послышался стук открывающейся двери, и Ольга с Маргаритой, беззаботно смеясь, вбежали на кухню, наполнив пространство ароматом духов «Красная Москва».

– Что это? Жаришь семечки? – спросила Маргарита.

– Да, дочка. У Марины сын приехал. Раненый. Полежал в госпитале, а оттуда отпустили домой на побывку.

– Маманя! Сто раз тебе говорила, не называй меня дочкой! – Маргарита зачерпнула горсть горячих семечек и добавила: – Он Яшу не видел?

– Он сейчас отдыхает. Вечером вместе пойдем и спросим. Может и видел, – сказала Анна и, вытирая о подол юбки руки, опустила глаза.

Вот уже месяц от сыновей не было никаких вестей. С тех самых пор, как мать проводила детей на войну, она не отходила от окна, ожидая почтальона. Одно коротенькое письмецо, отправленное в середине июля Михаилом, рассказывало о том, что их 20-й мотострелковый корпус соединили со штабом 25-го мехкорпуса и создали Брянский фронт со штабом в Брянске. Правильный каллиграфический почерк сына выводил на смятом клочке бумаги историю о том, что сын сражается в составе 13-й армии, которая ведет тяжелые бои со 2-й танковой группой Гудериана. До боли знакомый почерк родного ребенка, когда-то под материнскую диктовку писавшего диктанты и сочинения из школьной программы, теперь выводил страшный рассказ о войне. Ровные линии букв, тянущиеся, словно нитки жемчуга, бесстрастно описывали тяжелый быт советского солдата. В потоке слов о взрывах, лишениях и смерти лучиками солнца пробивались трогательные: «Верю», «Люблю», «Вернусь» и «Победа». Они вселяли надежду в истерзанную материнскую душу. Из этого же письма Анна узнала, что сыновья служат в одной части и Михаил присматривает за братом. Эта новость плавно наполнила сердце Анны приятным теплом, на некоторое время ослабив тревогу за сыновей. Когда-то ничего не значащие для нее слова: «Гудериан», «13-я армия», «дивизия» – теперь каленым железом были выжжены в памяти женщины. Каждый раз, когда на высоком столбе, громко всхлипнув, оживал репродуктор и начинал передавать сводки с фронта, Анна с замиранием сердца слушала ставший родным бас Левитана, пытаясь разобрать до боли знакомые слова из письма. В вакууме неизвестности, когда отчаяние душило едва тлеющую надежду, уверенный голос из репродуктора стал единственной ниточкой, связывающей мать с сыновьями. Анна ждала и панически боялась этого голоса. Она проклинала его, когда он в очередной раз вещал о потерях, и боготворила, когда торжественно сообщал об успехах Советской армии. Она давно наделила репродуктор живой душой и часто с ним говорила, умоляя донести весточку о сыновьях. Вот и теперь, выйдя из дома, Анна остановилась под столбом и бросила на спящий репродуктор быстрый взгляд, полный надежды и страха. Дождавшись, пока ее догонят невестки, Анна направилась в дом Василия.

Раненый солдат расположился на полене во дворе, держа сына Мишутку на коленях. Мальчик сидел, уткнувшись носом в гимнастерку отца, боясь даже на мгновение отпустить его. Вокруг них собралась почти вся деревня.

– ...Бьем фрица так, что мама не горюй, – сквозь клубы дыма самокрутки, растягивая слова, рассказывал Вася. – Скоро загоним его туда, куда Макар телят не гонял.

Василий затаился сигаркой и подмигнул конопатому мальчугану, пробравшемуся сквозь лес ног.

– Еще нет, но они уже в пути, – ответил почтальон и, помолчав немного, добавил: – Я понимаю, что вы все ждете весточек. Но это война! Нужно запастись терпением.

* * *

Раннее утро. Изумрудные травинки поблескивали бриллиантовыми капельками росы, когда к пруду, лениво помахивая хвостами, прошло несколько коров. Сопровождаемые завистливыми взглядами из окон домов, буренки вальяжно вышагивали по сырой от росы лужайке. С каждым днем скотина в селе становилась все дороже, постепенно превращаясь в роскошь, которую не могли себе позволить селяне.

Недавно достроенная сельская школа, по изгороди увитая плющом и хмелем, красовалась голубой крышей. Слабый ветерок облегчал знойную погоду, но к полудню опять поднялось солнце, и снова становилось жарко и уныло.

Класс, освещенный лучами полуденного солнца, был чисто вымыт. Кое-где на подоконниках цвела разноцветная герань, за которой следили дежурные ученики. Гордостью класса был величественный фикус, стоявший в углу за учительским столом. Возвышаясь почти до потолка, он широко раскинул свои ветви, образуя купол над учительским столом. Этот фикус был неотъемлемой частью классной комнаты, так что сполна получал свою порцию любви и внимания. Однажды кто-то из мальчишек прознал, что если пожевать лист фикуса, то язык и губы распухнут, и это повлияет на речь. Воспользовавшись этим открытием, ребята повадились жевать листья, что давало повод не отвечать на уроках. Поначалу Анна испугалась за детей. Почти ежедневная неспособность говорить вкупе с неестественно большими губами и распухшим языком навевала мысли о странной заразной болезни. Но узнав правду и удивившись изобретательности детишек, Анна пригрозила вызовом родителей в школу, что вмиг отбило желание мальчишек жевать листья.

Сегодня Анна вошла в класс, как всегда, в идеально отутюженной юбке и накрахмаленной белой блузе, держа в руках журнал.

– Здравствуйте, ребята. Садитесь, – мягко произнесла Анна и, подобрав юбку, элегантно опустила на краешек учительского стула.

Гул детских голосов, утихая, превратился в тихое шуршание.

Дети все еще ерзали и шептались:

– Знаешь, как больно кусает? – держа перед носом Сары раскрытую ладонь, в которой ползала маленькая ящерица, прошептал Олег – курносый мальчишка с лиловым фонарем под глазом.

Девочка в ужасе уставилась на ящерицу, боясь пошевелиться. Неподдельный страх сковал ее движения так, что она даже не могла вскрикнуть. Покрутившись на ладошке, ящерица леденящим душу немигающим взглядом посмотрела на Сару и вдруг лизнула собственный глаз. Это было так омерзительно, что класс огласил громкий девичий визг.

– Что такое?! – встревожилась Анна.

– У него ящерица! – не прерывая визга, указывала на Олега Сара.

– Олечка! Ты опять за свое? – Голос учительницы вдруг приобрел холодные металлические нотки. – Сейчас же выйди из класса и подумай о своем поведении!

Наступила тишина. Дети притихли и раскрыли свои учебники.

– Если не пойдешь со мной гулять, я брошу ее тебе за шиворот, – нехотя вставая с места, вполголоса успел припугнуть Олег и понуро вышел в коридор.

Тем временем Пашка, пухленький лопухий мальчишка, засунув голову под парту, с аппетитом уплетал сладкую булочку.

– Павлик, сорок восемь – половинку просим! – прошептал его сосед по парте Димка привычное детское заклинание, на которое, по всем правилам дворового этикета, просто нельзя было отказать, и дернул Пашку за рукав.

– Сорок один – ем один, – смачно прочавкал Пашка запрещенную защиту от попрошаек.

– Ты и в прошлый раз не поделился, жадина! – надулся обиженный Димка.

– К доске пойдет Павел! – Голос учительницы прозвучал как приговор.

Павел стряхнул с губ крошки и с недоверием посмотрел на Димку. Чуть подумав, он обернулся и передал недоеденную булку Нине, сидящей у него за спиной.

– Подержи это. Я сейчас вернусь. Только никому не отдавай, – наказал Паша и поплелся к доске.

– Не беспокойся, Пашка. Верну в целости и сохранности, – заверила мальчика Нина и с вождением покосилась на лакомство.

– Назови тему домашнего задания, – не отводя глаз от классного журнала, попросила Анна.

– Первая мировая война и ее причины... – бойко начал Паша, но к концу предложения уверенности в голосе существенно поубавилось.

Он увидел, как его булка стремительно и безвозвратно исчезает во рту у Нины.

– Хорошо, начинай.

Но для Паши война уже началась секунду назад. Он стоял как вкопанный и безмолвно наблюдал за бессовестной одноклассницей.

– Что же ты можешь сообщить нам по этой теме? – голос учительницы на время вывел мальчика из оцепенения.

– Первая мировая война произошла в 1914 – 1918 годах. Германия к тому времени превратилась в сильное и развитое государство... – промямлил Павел срывающимся голосом.

Невольно взгляд его снова обратился к жующей Нине, и именно тогда мальчик окончательно разуверился в женщинах.

– Первая мировая война произошла в 1914 – 1918 годах. Германия к тому времени превратилась в сильное и развитое государство... – словно заезженная граммофонная пластинка, снова повторил мальчик, чувствуя, как обида переходит в праведный гнев.

– Назови причину, по которой началась Первая мировая война.

Ответ у доски превратился в невыносимую пытку. Тем временем Нина, затолкав в рот последний кусочек, благодарно подмигнула Павлу.

– Что стало причиной Первой мировой войны? – повторила Анна и подняла на Павла глаза.

– Моя булка...

Класс взорвался бурным хохотом. Кто-то даже зааплодировал.

– Тишина в классе! Павлик, какое отношение к Первой мировой войне имеет твоя булка? – серьезно спросила Анна, из последних сил сдерживая смех.

Павел покраснел от стыда и, опустив голову, ответил:

– Она съела мою булку.

– Германия? – переспросила Анна и присоединилась к общему хохоту.

– Стыдно, Павлик, стыдно. Садись. Два! – все еще улыбаясь, подытожила Анна.

Обделенному Пашке только и оставалось вернуться на свое место, опустив голову.

– Дурак! Отдал бы мне булку. Я бы тебе ее целой вернул. – Слова друга, будто соль, сыпались на свежую душевную рану Паши.

– О причинах Первой мировой войны у доски расскажет Нина.

Девочка бодрым шагом направилась к доске.

– Германия из отсталого, разрозненного государства превратилась в сильную державу. Сформировалось два блока стран. Англия, Франция и Россия...

Анна с наслаждением слушала бойкую речь ученицы, журчащую, словно родник по каменному руслу. Она нежным взглядом окинула девочку и в очередной раз восхитилась ее старательностью. Смотря на нее, Анна вспоминала себя, отвечающую урок перед строгой классной дамой в такие же юные годы.

Вдруг взгляд Анны задержался на обуви девочки. Это были старые стоптанные сандалии, застежки на которых заменяла грубая проволока. Сердце Анны сдавила жалость. Проводив отца на войну, девочка осталась на попечении старого деда и пожилой бабушки, которые едва сводили концы с концами. Через месяц в их семье поселилось горе. Отец Нины Иван погиб при участии в Смоленском сражении, и Нина осталась сиротой. Анна не помнила, чтобы девочка хоть раз кого-нибудь о чем-то просила. Она не жаловалась и не стонала, хотя было видно, что недоедает. Напротив, девочка всегда была весела и приветлива. По-взрослому принимая все лишения военного времени, она старалась помочь семье. Соседи часто видели ее в поле, рядом с дедом собирающей снопы скошенной травы или идущей в лес по грибы и ягоды с бабушкой. Анна, имея двух сыновей, всю жизнь мечтала о дочери и теперь с материнской нежностью смотрела на этого ребенка, у которого отняли детство.

– После звонка подойди ко мне, – тихо, чтобы слышала только Нина, сказала Анна.

После уроков в дверь учительской робко постучались. В коридоре послышалось невнятное бормотание, и дверь, жалобно скрипнув, отворилась. На пороге стояла Нина.

– Анна Владимировна, я не просила у него булку. Он сам мне ее дал. Честное пионерское! – слова срывались с уст Нины, перепрыгивая друг через друга. Недавний родничок превратился в бурную горную речку и теперь неся, с шумом преодолевая препятствия.

Анна с нежностью подняла глаза на Нину и осторожно проговорила:

– Я хочу пойти на рынок. Пойдешь со мной?

На секунду Нина опешила от такого поворота событий, но, быстро опомнившись, радостно вскрикнула:

– Конечно, пойду!

Анна и Нина шли по пыльной сельской дороге. Сентябрьское солнце из последних сил пыталось согреть мир, но было видно, что радоваться последним теплым денькам осталось недолго. Природа готовилась к зиме. Всего за одну ночь изумрудно-зеленые деревья окрасились в желтые и бордовые цвета, будто невидимый художник случайно пролил на них яркие краски. Пыльная зелень травы, на которой у пруда паслись две последние тощие коровы, оставшиеся у колхоза, начинала приобретать бурый осенний оттенок. С соседней улочки навстречу выбежала собака с обломком старой кости в зубах. За ней бежала целая свора худых и облезших псов.

На дороге собралась толпа. В ней едва можно было различить разгоряченную какой-то новостью женщину и лысоватого почтальона маленького роста.

– ...Здесь не может быть ошибки, – спокойно говорил почтальон. – Вот тут написано: дом номер шесть.

Женщина, держа ребенка на руках, зарыдала:

– Люди добрые, да что же это делается, а? Вы слышите? Это пришло не мне! Я же только вчера получила письмо от мужа. Вот оно, посмотрите. Какая похоронка? Откуда?! Сейчас, сейчас... – с этими словами она выудила из кармана домашнего халата замусоленный треугольник письма.

– Смотрите! Вот! Он же мне писал, что все хорошо. Люблю, скучаю. – Женщина срывающимся голосом стала читать строки из письма.

Ожидая поддержки, вдова после каждого слова с надеждой вглядывалась в лица соседок, будто эти слова из письма месячной давности могли кому-то доказать, что муж жив и невредим.

Собравшиеся, опустив головы и переминаясь с ноги на ногу, молчали. Кто-то с сожалением вглядывался в искаженные горем черты бедной женщины. Все было очевидно.

Не найдя поддержки в толпе, отчаявшаяся женщина заметила стоявшую в сторонке Анну. Будто бы увидев спасительницу, она с безумными глазами бросилась к ней:

– Прочтите! Вы учительница. Прошу вас, посмотрите. Может, тут неправильно написано? Может, это другой дом номер шесть?

Все знали, что другого дома с номером шесть в их селе не было. Знала и она, но ей нужно было сейчас заручиться чьей-нибудь поддержкой в своем безумии.

Анна с тоской подняла глаза на номер дома, медленно перевела взгляд на бумажку, затем на рыдающего ребенка в руках испуганной женщины.

– Я не разберу. Очки забыла.

С этими словами Анна вернула похоронку – клочок бумаги, в паре строк сухо рассказавший о том, что теперь у них нет ни мужа, ни отца, ни кормильца, ни опоры.

Взяв за руку Нину, Анна быстро засемила прочь. В глазах ее стояли слезы. Она была напугана. Зажмурив глаза, она силилась прогнать мысль о том, что когда-то вот так же и к ней подойдет почтальон и протянет казенное извещение.

На импровизированном рынке, где селяне покупали и обменивали нехитрый товар, было всего несколько человек.

Анна быстро прошла по рядам разложенных прямо на земле вещей и остановилась рядом с женщиной, перед которой на расстеленном холщовом мешке стояло около дюжины пар обуви. В куче разного рода сапожек и ботинок она разглядела еще совсем новые туфельки.

– Откуда это у вас? – спросила Анна у торговки.

– А тебе-то что? Мое это, для внучки покупала, – сварливо огрызнулась бабка в синей потрепанной косынке. – Берешь – бери, а коли нет – так иди себе с богом.

С начала войны были прекращены торговые поставки, в селе начался дефицит.

Почувяв это, барыги совсем потеряли совесть и теперь хамили покупателям, не боясь, что товар залежится.

Анна, не обращая внимания на тон торговки, взяла туфли и протянула их Нине.

– Ну-ка, надень их, – улыбаясь, попросила она девочку.

– А для кого вы их выбираете?

– Для тебя. Твой-то совсем стоптались!

– Правда? Ой, как здорово! – радостно захлопала в ладоши Нина. – Мне дед давно обещал такие. Только лук вырастет, и он сразу купит.

– Ну, как? Нигде не жмут? – умиляясь счастливым видом Нины, по-матерински спросила Анна, впервые за долгое время испытывая чувство искренней радости.

– Нет, Анна Владимировна. Как раз впору! – Маленькие губки девочки растянулись в счастливой улыбке.

Неожиданно Анна услышала у себя за спиной покашливание. Женщина обернулась и встретилась с суровым взглядом Володи – деда Нины.

– Ты что тут делаешь? – опустив тяжелый взгляд на внучку, спросил дед. – Ты же знаешь, что после школы нужно идти домой.

– Дедушка, смотри какие красивые туфельки! – восторженно крикнула Нина и демонстративно щелкнула каблукками.

Но реакция деда была неожиданной:

– Вот негодница! Ты где их украла? Немедленно вернись и отдай!

– Ваша внучка ничего не крада. Это я купила ей туфли, – вмешалась Анна, но тут же пожалела об этом.

– Очень даже напрасно! Вас кто об этом просил? Я? Или, может, моя старуха? Или вы получили письмо от моего сына с просьбой: «Купите моей дочке туфли»? – не на шутку разошелся дед. – Я сам прекрасно знаю, что нужно внучке. А вы не лезьте. Лучше бы о своих невестках поволновались. Срамота на всю деревню!

– Не понимаю, при чем тут мои невестки? У них обеих есть туфли, к тому же новые...
– не поняла сарказм Анна.

– Я сказал, сними их сейчас же! – повернувшись к Нине, яростно сквозь зубы прошипел дед.

Счастливая улыбка мгновенно растаяла. Нина молча, не поднимая глаз, сняла туфельки и протянула их Анне. С густых черных ресничек сорвались предательские слезинки и упали на горячую землю, тут же рассыпавшись крохотными пыльными шариками.

У Анны прямо руки чесались стукнуть по плешивой голове старика чем-нибудь тяжелым, но вместо этого она лишь тяжело вздохнула. Тем временем дед, бормоча проклятья, взял внучку за руку и поволок за собой, точно безвольную тряпичную куклу.

Молча, сгорбившись от незаслуженной обиды, пожилая учительница тихо брела домой, лишь изредка передергивая плечами. Тяжелые, словно капли проливного дождя, слезы катились по ее впалым щекам. Станным образом этот безмолвный плач приносил облегчение уставшей женщине.

На село опустились сумерки, и в узоре причудливых теней Анна не сразу заметила черную фигуру Виктора, опирающегося на ее забор. Чуть дальше в дверном проеме сеней увидела она своих невесток. Было ясно, что они только что распрощались с Виктором, и он провожал взглядом фигуры уходящих женщин.

– Виктор? Позволю себе спросить: чем обязаны столь позднему визиту? – издали спросила Анна.

– Здравствуйте, Анна Владимировна. Как вы? Сердце не пошаливает? – застигнутый врасплох зачастил фельдшер.

Анна невольно обратила внимание на губы Виктора. Рот сельского фельдшера показался ей неестественно большим, и Анна представила, что в него легко проходит довольно крупная картошка, и заулыбалась.

– Здравствуйте. У меня все в порядке. Так что же привело вас к нам?

Виктор, замешкавшись, взглянул на небо. Казалось, он пытался в глубинах космоса найти ответ на простой вопрос.

Манерно отирая пот со лба, он заявил:

– Да просто проходил мимо. Зашел спросить, нет ли весточек от сыновей? – Довольный собой, он бесстыже уставился на Анну.

– Никаких весточек. Господи, спаси и сохрани их! Эта война уже всю душу измотала! Когда же она закончится? – вздохнув, проговорила Анна и открыла калитку. – Спасибо, что интересуетесь.

– Я надеюсь, что ваши сыновья скоро вернуться. Хотя, кто знает, война беспощадна. – На последней фразе Виктор бросил взгляд в сторону скрывшейся в доме Маргариты.

Глава 5

Молоко

Утро звало к новой жизни. Нужно было пережить еще один день в тревожном и беспощадном мире. Такое яркое и солнечное утро на время давало забыть о пролитой крови, о боях и лишениях. Анна, проснувшись, лежала в своей постели. У нее был свой секрет счастья в эти нелегкие времена. Она заметила, что если сразу после пробуждения не открывать глаза, то все вокруг казалось прежним. Солнечный свет пробивался сквозь окно, со двора доносились крики петухов, а ветерок мирно шелестел листвой. Но неотвратимо приближалась минута, когда надо было снова встречать страшный оскал военного времени, подняв тяжелые веки.

День в школе прошел так же суматошно, как обычно в младших классах. Но сегодня не было Нины. Анна печально смотрела на пустую парту девочки и грустно вспоминала вчерашний инцидент.

После уроков Анна осталась в школе проверить тетради учеников. В тишине класса раздавалось размеренное тиканье старых настенных часов. Корявые буквы в детских тетрадках вскоре выстроились в одну сплошную пляшущую линию, все вокруг расплылось в густой дымке, и Анна, положив голову на руки, уснула прямо на рабочем столе.

Улыбающийся и жизнерадостный, как всегда, Яков успокаивал:

– Однажды ты, возвращаясь из школы, услышишь голос старого пианино. Ты поймешь, что мы вернулись, мама... – Последнее слово прозвучало как-то издали, сын исчез, а с ним растворилось и туманное облако сна.

Анна, вздрогнув, проснулась.

– Неспроста это, сон в руку, – тревожно подумала она и снова провалилась в густую дымку, но слышала уже голос второго сына, Михаила:

– Если же пианино расстроится, добра не жди...

Вздрогнув, Анна проснулась и вдруг поняла, что разбудил ее не злобный таинственный наказ сына, а фальшивые ноты в звучании ее любимой фуги Моцарта – «Lacrimosa».

Анна не понимала, как оказалась дома. Вокруг царил полумрак. Бросив взгляд в окно, она отметила, что на улице светло и солнечно, но этот свет почему-то не попадает в комнату. Непонятная тревога вдруг овладела всем ее существом, точно невидимая рука сковала ее сердце и сжимала все сильнее, распространяя по клеточкам практически осязаемую щемящую боль... Анна медленно прошла в зал, где стоял обеденный стол и старое пианино. Несмотря на то, что она пробиралась туда на цыпочках, боясь даже дышать, чтобы не пропустить ни одного звука, не создать ни шороха, ни скрипа половиц, каждый шаг гулким эхом гремел в пустом коридоре. Анна попыталась прислушаться к себе и поняла, что идет она напрямик к старому пианино. И это открытие превратило смутную тревогу в необъятный панический страх. Анна хотела выбежать из комнаты, но с ужасом заметила, что, с каждым шагом удаляясь от пианино, она все быстрее приближается к нему.

И вот Анна прямо перед музыкальным инструментом, который в полумраке комнаты зловеще блестит глянцевыми боками. Рука сама потянулась к крышке. Еще секунда, и пальцы ощутили неестественный холод прикосновения к дереву. Анна, дрожа всем телом, медленно стала поднимать крышку и вдруг поняла, что это на самом деле крышка гроба. У Анны перехватило дыхание. При виде сына в разорванной гимнастерке и с окровавленными ранами на теле Анна почувствовала, как пространство сжимается до размеров могильной ямы.

Женщина вскрикнула и, окончательно проснувшись, обнаружила себя в пустом классе. Сердце бешено колотилось, и его громкий стук гулко отдавался в ушах. Анна выбежала из школы и, позабыв о приличиях, со всех ног понеслась к дому.

Задыхаясь, Анна резким движением распахнула двери и влетела в комнату.

Крышка пианино была закрыта. На ней лежало несколько золотых кленовых звездочек размером с ладонь. То ли ветер-сорванец, расшалившись, распахнул окно и передал учительнице осенний привет, то ли малышка Маргариты собирала букет для гербария, но по детской беззаботности оставила его здесь, увлеченная новой идеей...

Анна вздохнула и, ища опоры, сползла по дверному косяку на дощатый пол. Чуть отдышавшись, она встала. Прислушиваясь к скрипу половиц, который уже не казался ей таким жутким, медленно и спокойно открыла она крышку знакомого инструмента. Затем дрожащими пальцами нажала несколько клавиш. Звуки, рожденные клавишными молоточками, были идеально верны.

– Удивительно! Как же оно не расстроилось, если на нем так долго никто не играл?

Изумленно и радостно отерла она сорвавшуюся с ресниц слезу, расцветая в улыбке.

Очередное утро началось с того, что в дверь кто-то нетерпеливо постучал. Анна поспешила открыть и увидела перед собой плачущего ребенка. На пороге в серой перепачканной чернилами маечке стоял Миша.

– Тетя Аня, отцу плохо. Хотели вызвать фельдшера, но папа запретил, – гнусава и размазывая по щекам вязкую юшку, начал Миша. – Сказал, чтобы ноги этого подлеца не было у нас дома. Из соседней деревни вызвали врача. Он прописал папе молоко, а у нас ни коровки, ни козы...

– Не плачь, малыш, – остановила его учительница, не заставляя ребенка унижаться до просьбы, о которой она и сама уже догадалась. – Это дело поправимое. В деревне у многих есть скотина. Сейчас вместе найдем. Ты только не плачь! – с этими словами Анна набросила на плечи платок и вышла из дома.

Раздраженно кляня все вокруг, на чем свет стоит, Наталья подметала двор. Анна вспомнила: именно ей посреди дороги вручили тогда похоронку. На заборе белой краской аккуратно было выведено: «№ 6». На крыльце сидела полураздетая девочка, которая беспрестанно плакала и просила есть. Наконец вдова не выдержала и, тряся метлой, закричала ребенку:

– Есть хочу, есть!.. А метлой по спине не хочешь? Где я тебе возьму? У нас и скотины нет! Один был козел, да и того с винтовкой на фронт отправили. Говорила я ему: дома сиди, пропадем мы без кормильца. Так что ты! Родина-мать зовет!..

Анна поспешила отойти от несчастливой двора, словно боясь заразиться какой-то страшной болезнью вроде бубонной чумы. Вдвоем они направились в сторону дома Тимофея.

Маленький мальчик, держа в руках кувшинчик с молоком, стоял рядом с привязанной к дереву коровой. Тимофей – огромный мужик, которого издали можно было легко принять за довольно крупный холм, курил тут же, сидя на табуретке. Его вечно ухмыляющееся лицо сейчас выражало крайнюю степень умиления.

Анна, видя этого богатыря, всегда удивлялась тому, что его не забрали на фронт. Ведь кому сражаться, если не этому верзиле? Впрочем, ходили недобрые слухи, что, дав на лапу кому следует, он получил справку о какой-то загадочной хвори. Как бы там ни было, Анна недолюбливала Тимофея за то, что ее сыновья служили, а он нет.

– Доброе утро, сосед – вкрадчиво, как того требовала ситуация, начала Анна.

– Доброе, Анна Владимировна, – в тон ей ответил Тимофей.

– Как ваши дела?

– Ха! Как на войне! – балагурил весельчак.

– Понимаете, – тщательно подбирая слова, начала было Анна. – У нас раненый. Ему доктор молоко прописал...

Тимофей бросил на мальчика быстрый взгляд, и ребенок, смекнув, стал торопливо пить из кувшина. Почти захлебываясь, но не роняя ни капли, мальчишка через силу осушил посудину и, насупившись, посмотрел на незваных гостей.

– Сейчас молоко на вес золота. Видели, что делается? – довольный сообразительностью хлопца, указал на сына Тимофей. – Для него корова сейчас милее матери. Она его кормит. Да ведь больше и питаться нечем! Нет же ничего!

Застыв в ухмылке, Тимофей, казалось, забыл о гостях, восторженно глядя на сына, стирающего языком с губ белые усы.

– Он и стишок про молоко сочинил. Ну-ка, расскажи гостям, – умиляясь, кивнул мальчишке Тимофей.

– Молоко для меня и вода, и мука. Что мне ваша война? Дайте мне молока! – невнятно пробормотал мальчишка, чем вызвал громкий и раскатистый смех Тимофея.

– Видали? Он у меня скоро будет мычать, как теленок! – прокричал гордый отец вслед удаляющимся попрошайкам.

К дому Елены Анна и Миша шли молча. Во дворе было пустынно и тихо. Давно не правленный забор покосился и, из последних сил держась на ржавых гвоздях, грозил упасть в любую минуту. На крылечке, свернувшись клубком, дремала худюющая кошка. Когда-то ухоженный двор теперь порос бурьяном и крапивой. Вокруг стояла гнетущая тишина, и казалось, что даже вездесущий ветер сторонится этого угрюмого места.

– Тетя Лена! – позвал Миша.

Вытирая о передник руки, Елена вышла на крыльцо и увидела гостей.

– Анна Владимировна, проходите. Что ж в дверях стоите?

– Здравствуй, Леночка, – ободренная теплым приемом, заторопилась учительница. – Мы к тебе не в гости, а по делу... Нам бы молока...

– За молоком? – Еще больше удивилась Лена.

– Нам бы только одну крыночку для раненого солдата! – умоляюще произнесла Анна.

Поправив косынку, хозяйка спустилась во двор по скрипучей лестнице. Глянув на Анну, она хотела было что-то сказать, но осеклась и с тяжелым сердцем направилась на задний двор, где в полумраке сарая стояла тощая корова – единственная кормилица всей семьи.

– Сейчас посмотрю, – обреченно сказала хозяйка. – Ну-ка дайте мне вашу посудину.

Взяв кувшин, Лена скрылась в сарае за прикрытой дверью. Анна уже представляла, как из вымени брызжет струя белой жидкости и, обрамленная пузырьками белой пенки, быстро наполняет кувшин. Она улыбнулась стоящему рядом мальчику и нетерпеливо глянула на прикрытую дверь. Через несколько минут из сарая вышла Лена с пустым кувшином и, отводя глаза, проговорила:

– Я бы рада, но... нет молока.

– Нет? – Учительница на мгновение онемела, но скоро нашла в себе силы выпалить скороговоркой: – Извини за беспокойство... До свидания.

Близился вечер. Прохладные сумерки разноголосой пеленой укрывали деревню. Где-то залаяла собака, и тут же лай, подхваченный целой сворой, неровным, но громким хором разлился по округе. Чуть поодаль задрезжалось пустое ведро – кто-то возился у колодца. В одном из освещенных окон играл патефон и плакал ребенок.

Анна и Миша возвращались с пустыми руками. Туман белым ковром расстился под ногами, пушистыми комьями заполняя разбитые сельские дороги и мрачную пустоту деревенских окраин.

– Не огорчайся, Миша, завтра что-нибудь придумаем, – ласково, по-матерински, прошептала мальчику Анна у своей калитки, пытаясь скрыть от него неуверенность в голосе. – Подожди меня здесь, – добавила она и почти бегом исчезла в доме.

Там она быстро спустилась в подвал и, набрав в подол несколько сморщенных картофелин – добрую половину своих запасов, – вернулась к мальчику.

– На, держи... – С этими словами Анна сунула Мишке в карманы картошку. – Не волнуйся, завтра обязательно добудем Василию молоко.

* * *

Нежно-розовый рассвет зарумянил ночное небо. Под его лучами разноцветными искорками заиграли на траве капли росы – следы ушедшей ночи. В домах закипели утренние заботы. Хозяйки накрывали подушки белоснежной ажурной кисеей, гремели посудой на кухне, а самые счастливые кормили скотину в сараях. Солнце кралось по небосклону диким зверем, замороженно наблюдавшим за своей добычей. Оно ярко освещало крыши ветхих строений и верхушки деревьев, опьяняя все вокруг еще одним глотком надежды. Широкое поле созревающих подсолнухов тут же оживало и поворачивало к вечному светилу свои рыжие мордашки. В свежести солнечного утра грязные улицы теперь не казались изувеченными, а покосившиеся дома смотрелись еще вполне надежным жилищем. Даже псы-доходяги, на боках которых несложно было пересчитать все ребра, весело махали плешивыми хвостами, встречая новый день.

Война была беспощадна. Она каждый день уносила тысячи жизней, но утром казалась такой далекой и фантастической, словно злой гений специально выдумал ее в надежде отомстить селянам за их безмятежное счастье. Невозможно было поверить, что в такое прекрасное утро где-то погибали и изувечивались. И если бы не похоронки, которые с беспощадным постоянством доставлялись по адресам, можно было бы совсем о ней забыть.

Заглянувшие в окошко лучи рассветного солнца разбудили Василия. Тяжело поднявшись со смятой постели, раненый солдат подошел к окну и с удивлением заметил два кувшина, стоящих на его подоконнике. Он осторожно потянул к себе створку окна и мгновенно ощутил почти забытый, но такой родной запах свежего парного молока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.